

В.А.Аватков, Д.Г.Евстафьев
ПОСТСОВЕТСКАЯ ЕВРАЗИЯ
В ЗЕРКАЛЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ
Ключевые тенденции развития и дилеммы
РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ

Владимир Алексеевич Аватков — доктор политических наук, зав. отделом Ближнего и Постсоветского Востока ИНИОН РАН. Для связи с автором: v.avatkov@gmail.com.

Дмитрий Геннадиевич Евстафьев — кандидат политических наук, профессор Института медиа факультета креативных индустрий Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Для связи с автором: devstafiev@hse.ru.

Аннотация. Особенностью текущего момента в развитии постсоветской Евразии является все большее ее вовлечение в процессы передела ранее относительно устойчивого поля мировой политики и экономики. В условиях изменения мировой политической среды регион оказался перед лицом ряда новых вызовов. При этом специфика ситуации заключается в том, что в настоящее время он существует в режиме «постэкономики», когда принципиальной становится проблема самоидентификации как с точки зрения формулирования внутренних целей развития, так и с точки зрения определения своего места в мире.

Усиление внешнего давления на постсоветскую Евразию порождает две противоречивые тенденции: к ослаблению внутренних связей, чреватому разрушением ее целостности, и к консолидации пространства в ответ на экспансию извне. Происходящие в регионе трансформации во многом отражают общемировые тренды, в числе которых усиление роли идеологических аспектов, оттесняющих на задний план экономические соображения, глобальный поиск идейно-ценностных ориентиров, повышение значимости этнической и религиозной принадлежности.

Детально проанализировав разворачивающиеся на евразийском пространстве процессы, авторы приходят к выводу, что важнейшим фактором его дальнейшего развития будет противоборство различных цивилизационных идентичностей. По их оценке, в случае постсоветской Евразии речь идет либо о полной утрате субъектности, либо о частичной утрате экономического суверенитета и сбережении субъектности через полити-

ческую аффилиацию с Россией. Но реализация второго сценария требует от России не только готовности, но и способности взять на себя функции ядра региона.

Ключевые слова: Евразия, постглобальный мир, евразийская интеграция, социокультурная идентичность

Введение

¹ Сутырин 2022.

Тенденции развития современной Евразии, как правило, рассматриваются в контексте политики России и ее конкурентов за влияние на этом пространстве¹. Особенностью же сегодняшнего исторического момента является все большее вовлечение региона в процессы передела ранее относительно устойчивого поля мировой политики и экономики. В условиях трансформации мировой политической среды постсоветская Евразия сталкивается с рядом новых вызовов, а перед Россией встает вопрос о будущем региональной подсистемы — и вместе с тем о ее собственном.

За последние три десятилетия в рамках преодоления советского прошлого Средняя Азия и Южный Кавказ стали приобретать все больше «восточных» черт и, выстраивая свою новую идентичность, делать упор на государственность как таковую. Это особенно отчетливо проявляется в ситуациях, когда постсоветский патернализм как социально-политическая модель начинает давать сбои (примером чему могут служить события в Казахстане в январе 2022 г.)

Наряду с внутренними вызовами, обусловленными необходимостью выработки собственных моделей развития, страны постсоветской Евразии столкнулись с несколькими волнами внешнего «освоения». Все формы внешнего воздействия так или иначе были направлены на подрыв местной истории, встроенной в общую с российской цивилизацией парадигму, и таким образом проблематизировали перспективы сохранения геоэкономической и тем более геополитической целостности евразийского пространства. События последних лет просто сделали этот подход максимально откровенным.

Ситуация, однако, такова, что постсоветская Евразия (вероятно, в большей степени, чем другие подсистемы международных отношений, за исключением разве что Большой Европы) в настоящее время существует в режиме «постэкономики», когда принципиальной становится проблема самоидентификации как с точки зрения формулирования внутренних целей развития, так и с точки зрения определения своего места в мире.

На положение дел в постсоветской Евразии оказывают влияние набирающие силу во всем мире тенденции, связанные с углубляющимися разрывами в политико-экономической деятельности. Эти разрывы формируются не через экономику, а через идеологическую конфронтацию, которая искусственно возводит все новые «железные занавесы». Экономика в данном случае вторична и вынуждена под-

страиваться под новые реалии. Нельзя не согласиться с министром иностранных дел России Сергеем Лавровым, отмечающим, что система международных отношений сейчас приобретает форму соперничества ценностей и моделей развития².

² Лавров 2017.

На фоне глобального поиска новых идейно-ценностных ориентиров постсоветская Евразия встает перед сложным выбором модели будущего. Особую роль в этом контексте играет повышение значимости этнического и религиозного фактора в мировой политике. Рост конфликтности в регионе не последнюю очередь стал следствием распада СССР, оставившего бывшие республики один на один с новой реальностью — и без устоявшихся общепризнанных границ. Вместе с тем консерватизм и этнический национализм вкупе с прогрессирующим утверждением «восточного» сознания могут в скором времени радикально изменить макрорегион³.

³ Аватков и Останин-Головня 2022.

Методологической основой статьи является концептуальное переосмысление мир-системной модели⁴ применительно к периоду глубокой геополитической и геоэкономической деструкции и фактической бесполярности⁵. Несмотря на элементы нового геополитического конструирования, эта модель, на наш взгляд, остается более чем актуальной. В то же время речь сегодня идет о слабеющей мир-системности, в рамках которой происходит противоречивый процесс ослабления внутренних связей, интегрирующих систему (вплоть до утраты ею целостности, что обычно трактуется как разрушение системы как таковой⁶), на фоне усиления давления извне, в ряде случаев вызывающего обратную консолидацию системы, стимулируемую внешней экспансией.

⁴ Цаголов (ред.) 2016: 256; Дерлугьян 2017: 384; Дерлугьян (ред.) 2017: 320.

⁵ Хаас 2019: 320

⁶ Цаголов (ред.) 2016: 256; Афанасьев 2018; Валлерстайн 2018: 304; Тённис 2022: 451.

Вопросы, определяющие будущее постсоветской Евразии

Специальная военная операция (СВО) России стала точкой невозврата на пути построения новой системы международных отношений. Глобальные трансформации в том виде, в каком они оформились после начала СВО, порождают четыре блока принципиальных вопросов, ответы на которые позволят более полно оценить перспективы постсоветской Евразии и роль России на этом пространстве.

⁷ Аватков и Сбитнева 2022: 291—302.

1. Какие геоэкономические силы могут разорвать Евразию — понятно. Это прежде всего центры геоэкономических макрорегионов, формирующиеся вокруг Китая по оси Каспийское море — Персидский залив, и туркоцентричный «тюркский мир», который является в равной мере геоэкономическим и геополитическим феноменом⁷. Но какие цивилизационные идентичности могут дополнить рост геоэкономического влияния внешних игроков, усилить его, создав новые точки консолидации и преодолев очевидный этнократический тренд в развитии соответствующих обществ, чреватый социальной архаизацией?

⁸ Giddens 2003: 104.

2. Отсюда смежный вопрос: насколько потенциальные новые идентичности окажутся совместимы с существующими? Или же их появление приведет к слому социокультурной традиции, а затем и базовых социальных основ⁸? Речь идет не только о глубине социокультурной

деструкции и масштабах социальной дестабилизации и, как следствие, социально-политической хаотизации, но и о возможности сосуществования пространств социально-экономической модернизации и анклавной архаизации в рамках одного и того же поля идентичностей.

3. На повестке дня остается вопрос о возможности возникновения новой евразийской идентичности (пусть с опорой на геоэкономические интересы), способной как минимум сбалансировать влияние внешних сил. И хотя признаков такого развития событий пока очень мало, нельзя исключить, что в результате столкновения привнесенных идентичностей и локализованной этнократичности ситуация изменится. Но даже если мы согласимся с тем, что чисто теоретически новая евразийская идентичность вполне реальна, возникает следующий вопрос: на какой цивилизационной основе она может сформироваться?

4. Принципиальное значение имеет и то, как долго постсоветская Евразия сможет сохранять остатки своей геоэкономической целостности в условиях очевидной утраты целостности геополитической и идейно-ценностной. Следует констатировать, что вопрос не в том, будет ли эта целостность утрачена, а в том, когда это произойдет. Иными словами, сколь долго будет открыто «окно возможностей» для использования странами региона относительно интегрированного народно-хозяйственного комплекса и есть ли перспективы его перестройки, модернизации.

Таким образом, развитие ситуации в постсоветской Евразии фактически зависит от того, будет ли распад евразийского пространства определяться исключительно геоэкономическими процессами (что делает его до известной степени управляемым), или же на них наложатся неэкономические обстоятельства, которые обострят существующие противоречия.

Отсюда следует, что важнейшим фактором трансформаций в постсоветской Евразии станет противоборство различных цивилизационных идентичностей, выражающееся в аффилиации не только с определенными фокусами экономической консолидации (государствами или негосударственными акторами вроде ТНК), но и с определенными типами социального поведения. Ярким примером противоборства нескольких цивилизационных идентичностей является Казахстан, который сочетает в себе элементы тюркской, европейской и славянской цивилизаций⁹. При этом подходы внешних игроков к внедрению и распространению своих логик в регионе различаются. Европейский подход заключается в постепенном движении от экономики к политике, тогда как Турция побуждает страны постсоветской Евразии присоединиться к некоей надидентичности, имеющей, естественно, турецкие истоки. Происходит это путем создания интеграционных полей¹⁰, прежде всего культурной и образовательной направленности.

Предельно упрощая, вопрос можно сформулировать следующим образом. Можно ли продолжать оценивать процессы «евразийской интеграции» в рамках классической мир-системности¹¹, или же процессы

⁹ Гаджиев и Семченков 2021.

¹⁰ Стрельцов (ред.) 2014.

¹¹ Валлерстайн 2018: 304.

в Евразии будут развиваться по более сложной траектории, включая в «систему» целый ряд неэкономических факторов консолидации? Такая постановка вопроса не только зафиксировывает тот факт, что принципы социально-экономической универсальности утрачивают в постсоветской Евразии свою значимость¹², но и потребует преодоления (во всяком случае, применительно к постсоветскому пространству) навязанного нам в период глобализации понимания идентичности как чего-то устаревшего и неактуального¹³.

¹² *Friedman 2005:*
488.

¹³ *Фукуяма 2019:*
256.

Представляется, что ключевым для будущего постсоветской Евразии является идейно-ценностный вызов. Именно ситуация в гуманитарной сфере будет задавать, пойдет ли регион по пути экономического соразвития, или в нем продолжится «бракоразводный процесс», выгодный внерегиональным силам. Учитывая мировые политические тенденции, можно утверждать, что идейное поле будет определять поле экономическое. Здесь многое будет зависеть как от самих региональных игроков, так и (в большей степени) от мировых политических акторов, обладающих своим видением будущего региона.

Тенденции развития постсоветской Евразии

За последние 30 лет постсоветская Евразия стала ареной глубоких системных трансформаций. Чтобы оценить влияние ключевых геополитических сдвигов на развитие региональной подсистемы, обозначим несколько принципиальных констант, определяющих главные направления движения.

Во-первых, это геоэкономическая разновекторность, ставшая результатом не только центробежных тенденций 1990-х годов, к началу XXI в. в основном «выгоревших», но и попыток создания новой национально-государственной идентичности, основанной на принципе внешней легитимации суверенитета¹⁴. Большинство стран региона видят в разновекторности один из ключевых ценностных ориентиров¹⁵, рассматривая ее как путь к получению максимального количества дивидендов за счет подстраивания под различные подсистемы без реального подчинения какой-либо из них. В современной Евразии одновременно присутствуют несколько геоэкономических векторов, что ставит под вопрос возможность сохранения целостности экономических процессов. Особенно остро это ощущается в Прикаспии и в Средней Азии, но просматривается и на условно «западном» направлении.

¹⁴ *Евстафьев 2019.*

¹⁵ *Аватков 2019.*

Будучи обусловлена как политическими, так и экономическими факторами, эта разновекторность рано или поздно начнет проявляться в институциональной сфере. За последние годы мы были свидетелями формирования нескольких альтернативных субъевразийских институциональных систем. Наиболее известные из них — Каспийская тройка и распущенная в 2005 г. Организация Центрально-Азиатского сотрудничества, попытки возродить которую уже предпринимались¹⁶ и, возможно, еще продолжатся. Это

¹⁶ *Рамзанов 2018:*
285—287.

может рассматриваться по меньшей мере как обозначение потенциальных сценариев евразийской полицентричности, а то и как организационная подготовка к их институционализации.

В постсоветской Евразии так и не произошло полноценной социально-экономической модернизации. Несмотря на формальное улучшение социальных показателей, ни одна из проблем, заявившихся в конце 1990-х годов в качестве ключевых для региона, не была решена, за исключением, пожалуй, повышения в ряде стран уровня бытовой безопасности.

Налицо относительная устойчивость сформированных в советское время социокультурных парадигм и поведенческих стереотипов, начавших деградировать только в середине «нулевых». Условно социокультурные, а на деле — социально-политические «советские» парадигмы оказались гораздо прочнее многих основ постсоветской государственности. Вестернизация и декларативная демократизация, бывшие частью национального строительства в большинстве постсоветских государств, оказались верхушечными. При этом на фоне общей архаизации образовался разрыв между социальными группами, участвующими в глобальных экономических процессах, и основной массой населения, вовлеченной в экономические отношения прежних эпох.

В ходе поиска новой идентичности постсоветские евразийские элиты стали выдвигать на авансцену новых героев, которыми зачастую оказывались антигерои советской эпохи. Параллельно под предлогом возвращения к корням шло формирование политических мифов, *de facto* поднимавших на щит искусственно сконструированный антимодерн или возродившуюся архаику. Именно в эти процессы и пытались встроиться со своими идеологиями внерегиональные игроки, поощрявшие разрыв связей с Россией и насаждавшие собственные логики.

Исходя из эгоистических, а иногда и узкокорыстных побуждений, взращенные советской системой элитарные группы ликвидировали социально-политические лифты, подменив их клановостью, что привело к кризису сменяемости власти, породило свойственный Востоку лидероцентризм и вместе с тем поставило под вопрос будущее соответствующих стран и всего региона. Наибольшие риски здесь связаны с переходом власти от еще сохраняющих ключевые позиции бывших советских руководителей к новой формации лидеров, которые готовятся преимущественно внешними игроками, причем не только из числа представителей западного мира, но и, в частности, Китаем и Турцией¹⁷.

¹⁷ Аватков 2021.

Стала очевидна экономическая несамодостаточность как постсоветской Евразии в целом, так и отдельных ее элементов. Китайское влияние растет там в геометрической прогрессии, что вызывает беспокойство других игроков, претендующих на контроль над регионом¹⁸. Особую угрозу для него несет утрата

¹⁸ Аватков 2019.

(отчетливо обнаружившаяся после 2005 г.) внутренних драйверов экономического роста, зависимость от внешних рынков. Одним из следствий регионализации глобальной экономики, похоже, станет появление вблизи, но не внутри евразийского экономического пространства новых центров роста. Это осложнит реализацию стратегических планов евразийских элит по выстраиванию прямых отношений с глобальными экономическими игроками, однако новая ситуация пока не осознана в должной мере.

Отдельно следует отметить тенденцию к размыванию в регионе общеевропейского культурно-идеологического стержня. Речь идет не столько о «советском» идеологическом наследии, целенаправленно разрушавшемся элитами в ходе национального строительства, сколько о возникновении идеологической флюидности в результате деактуализации постсоветских политических моделей. Конечно, это еще не та ситуация всеобъемлющей социально-идеологической деструкции, которую мы наблюдали в начале 1990-х годов, но ценностные основания власти в большинстве стран постсоветской Евразии уже исчерпывают себя. Существует реальная опасность возникновения идеологического вакуума, что может дать старт распространению как традиционных (национализм¹⁹, исламизм), так и гибридных радикальных идеологий.

¹⁹ Sapolsky 2019.

Одной из отличительных черт постсоветской Евразии является институциональная неустойчивость. Во многом это обусловлено ориентализацией региональной подсистемы, в рамках которой лидер важнее институций. Формальные институты здесь могут быстро меняться, появляясь и исчезая вместе с лидерами. Что касается институтов неформальных, то они продолжают играть не последнюю роль в политической жизни соответствующих стран²⁰.

²⁰ Анашкина 2015.

Примечательно, что единственным настоящим «глобальным городом» в постсоветской Евразии остается Москва. Отсутствие полноценных финансовых и промышленных центров на постсоветском пространстве делает маловероятным появление там системы политически защищенных постиндустриальных анклавов.

С социально-политической точки зрения все хорошее и плохое в регионе продолжает подсознательно ассоциироваться с Москвой. И это, на наш взгляд, открывает шанс на продвижение Россией собственной модели регионального развития.

Правда, на этом пути ее ждут немалые сложности, связанные не только с постановкой соответствующей цели и ее реализацией, но и с характером среды, в которой ей предстоит работать. В регионе происходит социальная архаизация и возникновение различного рода анклавов, включая постиндустриальные, при общем снижении базового социального и образовательного уровня²¹. Отсюда необходимость огромных вложений в поддержание социальной инфраструктуры, заведомо превосходящих возможности реального сектора экономики. Архаизация усугубляется активной

²¹ Морозов 2018.

²² *Ионцев, Зимова и Субботин 2017: 37–43.*

утечкой умов²², приводящей к «деинженеризации» социального пространства на фоне попыток политических элит ряда стран сформировать этнотехнократию.

Среди региональных тенденций стоит отметить также нарастание рисков безопасности, причем разноуровневых — от трансграничной преступности и наркомафии до гибридной войны, в том числе с игроками, находящимися вне пределов Евразии. Обострение рисков безопасности во многом является следствием тренда на превращение постсоветской Евразии в пространство противоборства государств, сетевых и иерархических структур. Формируется устойчивая взаимосвязь происходящего в постсоветской Евразии с процессами на Ближнем и Среднем Востоке, которая носит преимущественно деструктивный характер и обусловлена естественным и искусственным перебрасыванием в регион дуги нестабильности.

Заслуживает упоминания и разновекторная миграция, связанная как с внутренними проблемами постсоветского пространства, так и с проблемами глобальными и внерегиональными, в частности с ситуацией на Среднем Востоке. Это чревато усилением политического и религиозного радикализма, прежде всего в специфических этнорелигиозных анклавах. Вопреки многим прогнозам, постсоветской Евразии пока удавалось избегать дестабилизирующего воздействия «новой миграции»²³, но как долго продлится это положение, сказать трудно.

²³ *Фархутдинов 2017.*

При сохранении отмеченных выше тенденций складываются условия для реализации в постсоветской Евразии опасной для России модели «большой шахматной доски». В связи с этим главными представляются следующие вопросы: 1) по каким направлениям и в каких формах будет происходить деструкция? 2) возможно ли институционализированное поддержание интегрированных экономических систем хотя бы на части постсоветского евразийского пространства? 3) возникнет ли новая конкурентная модель внутри региона, или она будет навязана извне?

Негативный сценарий на фоне экономической деградации и социальной архаизации может создать для России ряд некупируемых на политическом уровне рисков, объективно ограничивающих ее доступ к ключевым центрам экономического роста и логистически значимым пространствам.

**Дилеммы
и вызовы
для России
в постсоветской
Евразии**

Главная дилемма России в постсоветской Евразии — проявить ли политическую волю к осуществлению функции ядра подсистемы или предоставить ей развиваться самой по себе. Выбор первого варианта открывает большие возможности, но при этом налагает целый ряд обязанностей, требует перестройки многих форм и методов деятельности и работы с осознанной моделью бу-

душего. Важно, однако, что моделирование региональной подсистемы может дать ключ к развитию не только региона, но и самой России. Отказавшись от вхождения в другие подсистемы в пользу собственного пути, Россия обрела силы заниматься не «охранением» старого мирового порядка, переставшего отвечать современным реалиям, а созиданием нового. В постсоветской Евразии все еще ждут от России большого проекта, который позволил бы сохранить и преумножить экономическую кооперацию.

В свою очередь, с учетом тенденций, развивавшихся в последние годы в регионе, главная долгосрочная стратегическая дилемма постсоветской Евразии выглядит следующим образом: отраслевая интеграция, при которой основой отраслевых цепочек может стать либо Китай, либо Россия, или векторность развития, переходящая в экономическую и политическую экстерриториальность. В последнем случае доминирующей силой в регионе становится Китай, исключая регион Прикаспия, где позиции России пока предпочтительнее и где есть возможности для запуска новых интеграционных механизмов. Другие варианты развития менее вероятны.

Принципиально важно, что для постсоветской Евразии речь идет либо о полной утрате субъектности, либо о частичной утрате экономического суверенитета и сбережении субъектности через политическую аффилиацию с Россией. Потеря субъектности, даже при сохранении политико-правовой базы, грозит превращением Евразии в геополитический «чистый лист»²⁴, который впоследствии может быть использован внерегиональными игроками.

В этих условиях для перезапуска даже в простейшем виде интеграционных процессов необходимо задействовать инструментарий, который так или иначе касается социокультурной идентичности, прежде всего ее институционализации и трансформации в некие формы социально-экономического поведения. На сегодняшний день именно социокультурные отношения являются наиболее мощными факторами евразийской консолидации, хотя в случае опоры на них Россия сразу же попадет в высококонкурентную среду, где ей придется столкнуться не только с местными идентичностями, находящимися в относительном упадке в связи с кризисом постсоветской государственности, но и с гораздо более сильными и институционализированными «привнесенными» идентичностями. Это означает наличие геополитически значимого запроса на общеевразийскую идентичность, которая бы учитывала новые социальные и социокультурные сдвиги.

Проблема в том, что альтернативой конструированию консолидирующей идентичности, хотя бы на периферии ареала, по сути, является возникновение «дикого поля», то есть пространства нестабильности и социальной деструкции. Способность управлять им (и нейтрализовать его) будет определять готовность

²⁴ *Евстафьев 2022.*

и желание России выступить в роли ядра макрорегиона. Для России функции ядра — это не столько инвестиционное и технологическое обеспечение прилегающих территорий, сколько «донорство безопасности», а в перспективе и лидерство в установлении стандартов экономического взаимодействия (но не форм социальной организации, которые могут вырабатываться на национальном или даже региональном уровне).

Отраслевая интеграция возможна исключительно при возвращении на политическом уровне к неоиндустриальным моделям развития Евразии, корпоративизации экономического пространства и формированию — первоначально на базе ЕАЭС, а затем с подключением государств-партнеров — интегрированного инвестиционного пространства, до известной степени защищенного от внешних манипуляций. Вместе с тем необходимо учитывать, что в современных условиях элиты большинства евразийских стран делают ставку на многовекторность отношений с миром, видя в ней наиболее быстрый, легкий и дешевый способ встраивания в глобальные экономические процессы.

Задача усиления присутствия и влияния России в постсоветской Евразии не имеет простых решений. Все варианты действий со стороны Москвы так или иначе повлекут за собой сегментацию влияния. Однако она вряд ли может полностью отстраниться от участия в происходящих в регионе политических и социальных процессах, поскольку подобная политика чревата рядом слабо контролируемых рисков.

В перспективе мы можем столкнуться с во многом уникальной для современности гибридной экономико-социокультурной идентичностью, одним из наиболее важных составляющих которой станет включенность не только в социальные (как в Европе), но и в экономические системы (как в ситуации с нишевой занятостью). Феномен двойных идентичностей не нов²⁵, однако традиционно идентичности формировались преимущественно в социальной и социокультурной сфере. В данном же случае речь будет идти о самореализации через вовлечение в социально-экономические системы. И эти системы могут иметь совершенно разную не только социокультурную, но и политико-институциональную направленность.

²⁵ Бергер и Хантингтон 2004: 379; Бредникова и Абашина (ред.) 2021.

Библиография

Аватков В.А. (2019) «Идейно-ценностный фактор в тюркских государствах постсоветского пространства» // *Мировая политика*, № 4: 1—12. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=31235 (проверено 30.03.2023).

Аватков В.А. (2021) «Постсоветское пространство и Турция: итоги 30 лет» // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, т. 14, № 5: 162—176.

Аватков В.А. и А.И.Сбитнева. (2022) «Новый национализм Турецкой Республики» // *Вестник РУДН. Серия: Политология*, № 2: 291—302. URL: <https://journals.rudn.ru/political-science/article/viewFile/31116/20734> (проверено 30.03.2023).

Аватков В.А. и В.Д.Останин-Головня. (2022) «Идейно-ценностное измерение мировой политики и дихотомия Восток—Запад» // *Свободная мысль*, № 3: 115—120.

Анашкина Е.Б. (2015) «Роль постсоветского пространства во внешней политике США» // *США и Канада: экономика, политика, культура*, № 6: 19—34.

Афанасьев В.Г. (2018) *Системность и общество*. М.: ЛЕНАНД.

Бергер П. и С.Хантингтон, ред. (2004) *Многоликая глобализация: Культурное разнообразие в современном мире*. М.: Аспект Пресс.

Бредникова О. и С.Абашина, ред. (2021) «Жить в двух мирах»: *переосмысляя транснационализм и транслокальность*. М.: Новое литературное обозрение.

Валлерстайн И. (2018) *Миросистемный анализ: Введение*. М.: URSS; ЛЕНАНД.

Гаджиев Х.А. и А.С.Семченков. (2021) «Устойчивость политической системы республики Казахстан (Индексный анализ)» // *Полития*, № 4 (103): 115—135. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2021-4\(103\)%20\(1\)-115-144.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2021-4(103)%20(1)-115-144.pdf) (проверено 30.03.2023).

Дерлугьян Г. (2017) *Как устроен этот мир: наброски на макроэкономические темы*. М.: Изд-во Института Гайдара.

Дерлугьян Г., ред. (2017) *Есть ли будущее у капитализма?* М.: Изд-во Института Гайдара.

Евстафьев Д.Г. (2019) «Информационные манипуляции и государственный суверенитет: риски для России» // *Гражданин. Выборы. Власть*, № 2: 98—110.

Евстафьев Д.Г. (2022) «Новый мировой порядок: потребность в „чистом листе“ и геоэкономические реалии сегодняшнего дня» // *Международная жизнь*, № 4: 38—49. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2644> (проверено 30.03.2023).

Ионцев В.А., Н.С.Зимова и А.А.Субботин. (2017) «Особенности „утечки умов“ в России и сопредельных государствах евразийского пространства» // Рязанцев С.В. и М.Н.Храмова, ред. *Миграционные мосты в Евразии: модели эффективного управления миграцией в условиях развития евразийского интеграционного проекта. Материалы IX Международного научно-практического форума*. Т. 1. М.: Экономическое образование: 37—43.

Лавров С.В. (2017) *Мы — вежливые люди! Размышления о внешней политике*. М.: Книжный мир.

Морозов А. (2018) «Большая трансформация Центральной Азии: золотой век или новое средневековье?» // *Евразия. Эксперт*, 25.02. URL: <http://eurasia.expert/bolshaya-transformatsiya-tsentralnoy-azii-zolotoy-vek-ili-novoe-srednevekove/> (проверено 30.03.2023).

Рамзанов Т.Е. (2018) «Региональное сотрудничество стран Центральной Азии: взгляд из Казахстана» // *Молодой ученый*, № 18: 285—287.

Стрельцов Д.В., ред. (2014) *Россия и страны Востока в постбиполярный период*. М.: Аспект Пресс.

Сутырин В. (2022) «Будущее евразийского проекта России в условиях роста геополитических рисков» // *Евразия. Эксперт*, 1.12. URL: <https://eurasia.expert/budushchee-evraziyskogo-proekta-rossii-v-usloviyakh-rosta-geopoliticheskikh-riskov/> (проверено 30.03.2023).

Тённис Ф. (2022) *Общность и общество: Основные понятия чистой социологии*. СПб.: Владимир Даль.

Фархутдинов И.З. (2017) «Миграционный излом Евразии» // *Евразийский юридический журнал*, № 2. URL: <https://eurasialaw.ru/nashi-rubriki/kolonka-redaktora/migratsionnyj-izlom-evrazii> (проверено 30.03.2023).

Фукуяма Ф. (2019) *Идентичность: Стремление к признанию и политика неприятия*. М.: Альпина Паблишер.

Хаас Р. (2019) *Мировой беспорядок: Американская внешняя политика и кризис старого порядка*. М.: АСТ.

Чаголов Г.Н., ред. (2016) *Новое интегральное общество: Обще-теоретические аспекты и мировая практика*. М.: ЛЕНАНД.

Friedman T. (2005) *The World Is Flat: A Brief History of the Twenty-first Century*. New York: Farrar, Straus and Giroux.

Giddens A. (2003) *Runaway World: How Globalization Is Reshaping Our Lives*. New York: Routledge.

Sapolsky R. (2019) «This Is Your Brain on Nationalism: The Biology of Us and Them» // *Foreign Affairs*, vol. 98, no. 2: 42—47.

V.A.Avatkov, D.G.Evstafyev
POST-SOVIET EURASIA
IN THE MIRROR OF GLOBAL PROCESSES
KEY DEVELOPMENT TRENDS AND DILEMMAS
OF RUSSIAN POLITICS

Vladimir A. Avatkov — Doctor of Political Science; Head of the Department of the Near and Post-Soviet East, Institute of Scientific Information on Social Science of the Russian Academy of Sciences (INION RAS). Email: v.avatkov@gmail.com.

Dmitry G. Evstafyev — Ph.D. in Political Science; Professor at the Institute of Media, Faculty of Creative Industries, HSE University. Email: devstafiev@hse.ru.

Abstract. The peculiarity of the current moment in the development of post-Soviet Eurasia is its ever-increasing involvement in the processes of re-drawing the previously relatively stable field of world politics and economics. In a changing global political environment, the region is facing a number of new challenges. At the same time, the situation is unique in that the region exists in the “post-economy” mode, when the problem of self-identification becomes fundamental, from the point of view of both formulating internal development goals and determining one’s place in the world.

The increase in external pressure on post-Soviet Eurasia gives birth to two contradictory tendencies: towards the weakening of internal ties, which is fraught with the destruction of its integrity, and towards the consolidation of space in response to expansion from outside. The transformations taking place in the region largely reflect global trends, including the increasing role of ideological aspects that sideline economic considerations, the global search for ideological and value orientations, and the growing importance of ethnic and religious affiliation.

Having analyzed in detail the processes unfolding in the Eurasian space, the authors come to the conclusion that the confrontation of various civilizational identities will be the most important factor in its further development. According to the authors, post-Soviet Eurasia might face either a complete loss of subjectivity, or a partial loss of economic sovereignty and preservation of subjectivity through its political affiliation with Russia. However, the implementation of the second scenario requires from Russia not only its readiness, but also its ability to assume the functions of the core of the region.

Keywords: Eurasia, post-global world, Eurasian integration, socio-cultural identity

References

- Afanasyev V.G. (2018) *Sistemnost' i obshchestvo* [Consistency and Society]. Moscow: LENAND. (In Russ.)
- Anashkina E.B. (2015) “Rol’ postsovetского prostranstva vo vneshnej politike SShA” [The Role of the Post-Soviet Space in US Foreign Policy] // *SShA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura* [USA & Canada: Economics, Politics, Culture], № 6: 19–34. (In Russ.)
- Avatkov V.A. (2019) “Idejno-tsennochnyj faktor v tjurkskikh gosudarstvakh postsovetского prostranstva” [Ideology- and Value-based Factor in Turkic Post-Soviet States] // *Mirovaja politika* [World Politics], № 4: 1–12. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=31235 (accessed on 30.03.2023). (In Russ.)
- Avatkov V.A. (2021) “Postsovetское prostranstvo i Turtsija: itogi 30 let” [The Post-Soviet Space and Turkey: Results of 30 Years] // *Kontury global’nykh transformatsij: politika, ekonomika, pravo* [Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law], vol. 14, no. 5: 162–176. (In Russ.)
- Avatkov V.A. and A.I.Sbitneva. (2022) “Novyi natsionalizm Turetskoj Respubliki” [The New Nationalism of the Turkish Republic] // *Vestnik*

RUDN. *Seriya: Politologija* [RUDN Journal of Political Science], vol. 24, no. 2: 291–302. URL: <https://journals.rudn.ru/political-science/article/viewFile/31116/20734> (accessed on 30.03.2023). (In Russ.)

Avatkov V.A. and V.D.Ostanin-Golovnya. (2022) “Idejno-tsennostnoe izmerenie mirovoj politiki i dikhotomija Vostok—Zapad” [The East-West Dichotomy: Ideological and Value Dimension of World Politics] // *Svobodnaja mysl'* [Free Thought], no. 3: 115–120. (In Russ.)

Berger P. and S.Hantington, eds. (2004) *Mnogolikaja globalizatsija: Kul'turnoe raznoobrazje v sovremennom mire* [Many Globalizations: Cultural Diversity in the Contemporary World]. Moscow: Aspekt Press. (In Russ.)

Brednikova O. and S.Abashina. (2021) “Zhit' v dvukh mirakh”: *pere-smysljaja transnatsionalizm i translokal'nost'* [Living in Two Worlds: Re-thinking Transnationalism and Translocality]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)

Derluguian G. (2017) *Kak ustroen etot mir: Nabroski na makroekonomicheskie temy* [How the World Works: Sketches on Macroeconomic Topics]. Moscow: Izd-vo Instituta Gaidara. (In Russ.)

Derluguian G., ed. (2017) *Est' li budushchee u kapitalizma?* [Does Capitalism Have a Future?] Moscow: Izd-vo Instituta Gaidara. (In Russ.)

Evstafiev D.G. (2019) “Informatsionnye manipuljatsii i gosudarstvennyj suverenitet: riski dlja Rossii” [Information Manipulations and National Sovereignty: Risks for Russia] // *Grazhdanin. Vybory. Vlast'* [Citizen. Elections. Power], no. 2: 98–110. (In Russ.)

Evstafiev D.G. (2022) “Novyj mirivoj porjadok: potrebnost' v „chistom liste“ i geoekonomicheskie realii segodnjashnego dnja” [The New World Order: the Need for a “Clean Slate” and Geo-economic Realities of Today] // *Mezhdunarodnaja zhizn'* [International Affairs], no. 4: 38–49. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2644> (accessed on 30.03.2023). (In Russ.)

Farkhutdinov I.Z. (2017) “Migratsionnyj izlom Evrazii” [The Migration Fracture of Eurasia] // *Evrazijskij juridicheskij zhurnal* [Eurasian Law Journal], no. 2. URL: <https://eurasialaw.ru/nashi-rubriki/kolonka-redaktora/migratsionnyj-izlom-evrazii> (accessed on 30.03.2023). (In Russ.)

Friedman T. (2005) *The World Is Flat: A Brief History of the Twenty-first Century*. New York: Farrar, Straus and Giroux.

Fukuyama F. (2019) *Identichnost': Stremlenie k priznaniju i politika neprijatija* [Identity: The Demand for Dignity and the Politics of Resentment]. Moscow: Alpina Publisher. (In Russ.)

Gadzhiev Kh.A. and A.S.Semchenkov. (2021) “Ustojchivost' politicheskoj sistemy respubliki Kazakhstan (Indeksnyj analiz)” [Political System Sustainability in the Republic of Kazakhstan (Index Analysis)] // *Politeia*, № 4 (103): 115–135. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2021-4\(103\)%20\(1\)-115-144.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2021-4(103)%20(1)-115-144.pdf) (accessed on 30.03.2023). (In Russ.)

Giddens A. (2003) *Runaway World: How Globalization Is Reshaping Our Lives*. New York: Routledge.

Haass R. (2019) *Mirovoj besporjadok: Amerikanskaja vneshnjaja politika i krizis starogo porjadka* [A World in Disarray: American Foreign Policy and the Crisis of the Old Order]. Moscow: AST. (In Russ.)

Iontsev V.A., N.S.Zimova, and A.A.Subbotin. (2017) “Osobennosti „utechki umov“ v Rossii i sopredel’nykh gosudarstvakh evrazijskogo prostranstva” [Features of the “Brain Drain” in Russia and Neighboring States of the Eurasian Space] // Ryazantsev S.V. and M.N.Khramova, eds. *Migratsionnye mosty v Evrazii: modeli effektivnogo upravlenija migratsiej v uslovijakh razvitiija evrazijskogo intergatsionnogo proekta. Materialy IX Mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo foruma* [Migration Bridges in Eurasia: Models of Effective Migration Management in the Context of the Development of the Eurasian Integration Project. Materials of the 9th International Scientific and Practical Forum]. Vol. 1. Moscow: Ekonomicheskoe obrazovanie: 37—43. (In Russ.)

Lavrov S.V. (2017) *My — vezhlivye ljudi! Razmyshlenija o vneshnej politike* [We Are Polite People! Reflections on Foreign Policy]. Moscow: Knizhnyj mir. (In Russ.)

Morozov A. (2018) “Bol’shaja transformatsija Tsentral’noj Azii: zolotoj vek ili novoe srednevekov’e?” [The Great Transformation of Central Asia: the Golden Age or the New Middle Ages?] // *Eurasia. Expert*, 25.02. URL: <http://eurasia.expert/bolshaya-transformatsiya-tsentralnoj-azii-zolotoj-vek-ili-novoe-srednevekove/> (accessed on 30.03.2023). (In Russ.)

Ramzanov T.E. (2018) “Regional’noe sotrudnichestvo stran Tsentral’noj Azii: vzgljad iz Kazakhstana” [Regional Cooperation of Central Asian Countries: a View from Kazakhstan] // *Molodoj uchenyj* [Young Scientist], no. 18: 285—287. (In Russ.)

Sapolsky R. (2019) “This Is Your Brain on Nationalism: The Biology of Us and Them” // *Foreign Affairs*, vol. 98, no. 2: 42—47.

Strel’tsov D.V., ed. (2014) *Rossija i strany Vostoka v postbipoljarnyj period* [Russia and the East in the Post-Bipolar Period]. Moscow: Aspekt Press. (In Russ.)

Sutyryn V. (2022) “Budushchee evrazijskogo proekta Rossii v uslovijakh rosta geopoliticheskikh riskov” [The Future of Russia’s Eurasian Project in the Context of Growing Geopolitical Risks] // *Eurasia. Expert*, 1.12. URL: <https://eurasia.expert/budushchee-evrazijskogo-proekta-rossii-v-usloviyakh-rosta-geopoliticheskikh-riskov/> (accessed on 30.03.2023). (In Russ.)

Tönnies F. (2022) *Obshchnost’ i obshchestvo: Osnovnye ponjatija chistoj sotsiologii* [Gemeinschaft und Gesellschaft: Grundbegriffe der reinen Soziologie]. St Petersburg: Vladimir Dal’. (In Russ.)

Tsagolov G.N., ed. (2016) *Novoe integral’noe obshchestvo: Obshcheteoreticheskie aspekty i mirovaja praktika* [The New Integral Society: General Theoretical Aspects and World Practice]. Moscow: LENAND. (In Russ.)

Wallerstein I. (2018) *Mirosistemnyj analiz: Vvedenie* [World Systems Analysis. An Introduction]. Moscow: URSS; LENAND. (In Russ.)